

Жизнь и деятельность военного историка и архивиста Г. С. Габаева (1877—1956)*

В. Н. АВТОКРАТОВ, доктор исторических наук

Летом 1919 г. основной состав Петроградского и Московского военных отделений III секции ЕГАФ — их военные специалисты — был мобилизован в Красную Армию. Поэтому не удалось провести ряд намеченных мероприятий, в том числе, как отмечалось, архивные курсы. Не получил ожидавшегося развития военно-научноиздательский отдел⁷⁹. Тогда же решилась судьба Г. С. Габаева. Если летом 1918 г. врачебная комиссия Петросовета признала его совершенно неспособным к военной службе (миокардит и резкий хруст в суставах: «носить оружие не может, следовать пешком может»⁸⁰), то через год медицинская комиссия петроградского особого отдела ЧК, называвшаяся иногда «Комиссией Кедрова», не посчиталась с болезнью. В августе 1919 г. Габаев был мобилизован и назначен «помощником отдельного руководителя» (так называлась должность) 21-го военного строительства. Управление строительством находилось в Петрограде, а подразделения — в окрестностях города⁸¹.

Д. В. Рязанов пытался вернуть Габаева. В письме Троцкому (13 сентября) он подчеркивал, что познания Габаева в архивном деле позволяли налаживать руководство военными архивами, обходясь «весьма ограниченным составом служащих» и что «по существу его работа в архивном ведомстве может быть приравнена к нестройной службе». Если Габаев будет возвращен, то получит «ответственное назначение [на должность] заведующего III секцией ЕГАФ (военные и военно-морские архивы Республики)». Он может стать незаменимым представителем ЕГАФ в проектирующемся Военно-научном институте. Одновременно Рязанов лукавил: познания же Габаева в военно-инженерном деле «крайне ограничены и, так сказать, старомодны»⁸².

Троцкий было поверил: «Так как тов. Рязанов не чинил никаких препятствий в передаче нам военных специалистов, работавших у него, то я считал бы необходимым удовлетворить его ходатайство». Но велел немедленно навести справку. Полученный ответ гласил: «...с военной точки зрения Г. Габаев является совершенно соответствующим назначению на должность корпусного инженера в полевом строительстве и для командования инженерными частями»⁸³.

Видимо, был достигнут компромисс. Инженерные службы Петроградского военного округа и 7-й армии возглавляли военные специалисты, пришедшие из старой армии и, безусловно, знавшие Габаева. Военная служба, обременяя массой забот, все же не сковывала его научных интересов, хотя с ноября 1919 г. он стал «отдельным руководителем» 21-го строительства⁸⁴. С согласия коллеги Петроградского отделения Главархива Габаев продолжал числиться научным сотрудником Военно-научноиздательского отдела III секции ЕГАФ. Приказом по 1-му отделению этой секции от 20 августа 1919 г. на него было возложено «руководство всей научной дея-

* Окончание. Начало см.: Советские архивы. 1990. № 1.

тельностью... отделения», а именно — текущим статистическим учетом фондов и группой сотрудников, занимавшихся полковым родословием. За ним лично сохранялось составление хроники пехоты⁸⁵.

В конце мая 1920 г. Габаев выступил на конференции петроградских архивистов с докладом «Особенности работы над военными архивными фондами»⁸⁶. Важнейшей частью доклада был вопрос о создании «исчерпывающего теоретического перечня фондов, какие должны были остаться после упразднения всех когда-либо существовавших отдельных войсковых и административных организмов русской боевой силы»⁸⁷.

Нетрудно видеть, что «теоретический перечень» — это историческая схема организационной структуры армии и органов военного управления, основу которой составляло полковое родословие. Перечень был «теоретическим» в том смысле, что включал названия не только тех фондов, наличие которых было архивистам точно известно, но и других, которые установлены путем умозаключений: каждый «боевой организм» должен образовать архивный фонд, хотя бы не сохранившийся или неизвестно где находящийся⁸⁸. По существу, речь шла о списке фондообразователей. Этот термин, казалось бы, напрашивался, но в докладе 1920 г. Габаев его не применил.

Только по форме термин «фондообразователь» элементарен. Но, чтобы его найти, требовалось совершить мысленное обобщение множества понятий о всех полках, дивизиях и учреждениях в один класс объектов, общим свойством которых было образование отдельных архивных фондов. Подобной логической операции до тех пор не совершал ни один архивист. Не сделал этого в 1920 г. и Габаев. Но понятие «фондообразователь» должно было возникнуть в результате дальнейшего архивоведческого осмысления задачи, при сопоставлении фактов существования реальных «боевых организмов» с неизбежностью однородных следствий, вытекающих из таких фактов, — образования соответствующих архивных фондов. Так и произошло. Менее, чем через полтора года в другой аудитории Габаев говорил о своем открытии. Но за это время его постигла большая неприятность.

В ночь на 3 марта 1921 г., во время кронштадтского мятежа, произошли массовые аресты высшего командного состава Петроградского военного округа. Габаев провел месяц в заключении. После первого допроса он был освобожден, но случившееся глубоко переживал. Считая себя «абсолютно вне политики», он не видел оснований для недоверия со стороны красных, тем более, что белые объявили его изменником и заочно осудили. 6 июля 1921 г. Габаев был демобилизован «по возрасту и болезни», а через две недели стал помощником заведующего Военно-исторической секцией Петроградского отдела музеев⁸⁹.

Можно понять, почему он не вернулся в свой архив. Изменился моральный климат в учреждениях Главархива. С переводом Д. Б. Рязанова на работу в Институт Маркса и Энгельса и приходом в Главархив М. Н. Покровского, отношение к так называемым «бывшим» резко ухудшилось, невзирая на то, что именно эти люди в труднейших условиях заложили основы ЕГАФ. Назревала большая чистка рядов архивистов. Напротив, в «музейном мире», всегда привлекавшем Габаева, обстановка в то время была значительно лучше. К тому же петроградские военные музеи возглавлял его друг П. П. Потоцкий.

Однако до тех пор, пока Петроградское отделение Главархива по-прежнему возглавлял академик С. Ф. Платонов, власть Покровского там не была абсолютной. Габаев после демобилизации был включен в состав научно-технической комиссии⁹⁰. В протоколе комиссии от 8 августа 1921 г. сказано: «Председатель [А. С. Николаев] приветствует вновь назначенного члена комиссии Г. С. Габаева, который благодарит за лестное для него внимание и выражает готовность постараться оправдать доверие председателя и

сочленов»⁹¹. Несколькими днями раньше Габаев пришел на заседание неформального объединения — кружка архивных работников им. А. С. Лаппо-Данилевского. Протокол этого заседания (4 августа 1921 г.) открывается похожими словами: «А. И. Андреев от имени кружка выражает удовольствие видеть в нем участником Г. С. Габаева»⁹². В обоих приветствиях выражена радость архивистов, что Габаев на свободе и продолжит научную работу. Заметим, что если в научно-техническую комиссию входили наиболее крупные петроградские архивисты, включая ряд профессоров, то кружок им. Лаппо-Данилевского состоял в основном из молодежи. Те и другие с подчеркнутым уважением отнеслись к Габаеву.

После конференции петроградских архивистов 1920 г. Габаев, несмотря на арест и последовавшую тяжелую болезнь, выполнил большую теоретическую работу, результаты которой были представлены в докладе 23 августа 1921 г. «Полковое родословие как научная дисциплина и как базис военно-архивного и военно-музейного строительства», сделанном на заседании Военно-исторической музейной секции⁹³. В тезисах доклада сказано, что часть его материала входила в прежние доклады «Особенности работы над военно-архивными фондами» (мы о нем уже говорили) и «Полковое родословие и общие системы родословных таблиц», прочитанный 23 июля 1921 г. в Русском историко-генеалогическом обществе. Отмечалось, что «основная мысль... о необходимости разработки полкового родословия для правильного учета и устройства архивных и музейных фондов, оставшихся после русской армии 1899—1918 гг., неоднократно проводилась в служебных докладах при устройении 1-го отделения III секции ЕГАФ и в докладе о Едином военно-историческом музее на петроградской музейной конференции 1920 г. Но в августовском докладе 1921 г. «материал значительно дополнен и освещен заново»⁹⁴.

Уже в первых словах августовского доклада прозвучало новое понятие. Отвечая на вопрос, каковы «ныне» задачи полкового родословия, Габаев говорил: «Нельзя подобрать, привести в систему ни одного архивного или музейного фонда, если нам неизвестны, хотя бы в главнейших чертах, судьба того лица, учреждения, группы их, жизнь и деятельность которых отложилась в данном фонде. Такое лицо или учреждение я предложил бы назвать *фондообразователем* данного фонда»⁹⁵. В других местах доклада говорилось о воинских частях — фондообразователях и применялся термин «военно-фондообразователи».

Тот же способ словопроизводства Габаев применил к архивным и музейным работникам, назвав их «фондособираателями» (что отражало в тот период их основную функцию). В разработке полкового родословия, указывалось в докладе, они нуждаются «именно теперь, пока не начато окончательное устройство архивов». Без свидетельств полкового родословия, подчеркивалось там же, невозможны суждения о полноте собранного материала, его классификация, «соединение разрозненных иной раз частей фонда в нечто целое»⁹⁶. В докладе развивались и другие темы, но главное это то, что в нем найдено и удивительно удачно названо понятие «фондообразователь», охватившее не только учреждения и воинские части, но и отдельных лиц, группы их (семьи).

Безусловно, смущает уравнительное отношение Габаева к архивным и музейным фондам. Получается, что архивоведческая классификационная логика распространяется на музейведческую. Но учтем, что Габаев как «военный музейист» мыслил категорией полковых музеев, близких по замыслу и по составу предметам к категории мемориальных музеев. Он мечтал о создании Единого военно-исторического музея и желал сохранения в нем на правах фондов собраний полковых музеев — вещественной памяти русских полков⁹⁷. Так что по большому счету, классификационной ошибки, на наш

взгляд, по существу не было.

Сформулированное Габаевым понятие «фондообразователь» вышло за пределы военого архивоведения, получило всеобщее архивоведческое значение. Но этот вопрос имеет свою непростую историю. Как увидим, сам Габаев отношения к ней не имел. Что касается музееведения, то термин «фондообразователь» применения в нем не нашел.

Августовский доклад Габаева, хотя и был прочтен в кругу музейных работников, сразу стал известен и архивистам. А. С. Николаев и И. Л. Маяковский стремились продвинуть его в Москву на I-ю Всероссийскую конференцию архивных деятелей⁹⁸. Этому сделать не удалось. Тем не менее, Николаев привез доклад в Москву. Вероятно, он надеялся опубликовать его в «Сборнике материалов и статей» Главархива, замышлявшемся как продолжение закрытого петроградского журнала «Исторический архив». Издан был один выпуск сборника (М., 1921. Вып. I), но без доклада Габаева, экземпляр которого сохранился в материалах редакционного портфеля «Исторического архива»⁹⁹.

Однако открытие Габаевым понятия «фондообразователь» не осталось бесследным. В Петрограде терминологические вопросы активно исследовал кружок архивных работников им. Лаппо-Данилевского. Наряду с научной молодежью, в его занятиях постоянно участвовал А. И. Лебедев, иногда — другие крупные архивисты, а с августа 1921 г. и Габаев. Это было время подготовки к упоминавшейся I-й Всероссийской конференции архивных деятелей, на которой предполагался доклад об архивной терминологии. Основная заслуга создания петроградской терминологической системы принадлежала Г. А. Князеву, хотя каждое определение обсуждалось коллективно. Большие трудности составило определение понятия архивного фонда. Выработанная дефиниция была сложной. Она проанализирована в другой нашей работе, а сейчас только напомним, что дефиниция выделяла три типа комплексов документов, признававшихся «архивными фондами»: а) являющиеся результатом деятельности учреждения или лица-фондообразователя; б) собранные учреждением или лицом-фондособирателем «из результатов деятельности других учреждений или лиц»; в) исторически сложившиеся или специально собранные в архиве¹⁰⁰. Здесь налицо оба предложенные Габаевым понятия, но они использованы как вспомогательные.

На конференции 1921 г. с докладом об архивной терминологии выступил не Князев (его не пригласили в Москву), а Андреев. Впервые в широкой аудитории архивистов прозвучало слово «фондообразователь», хотя не в том смысле, которое ему придавал Габаев. Доклад вызвал интерес собравшихся. Но Покровский счел его обсуждение излишним. В журнальном отчете содержание доклада Андреева изложено сжато; дефиниции, даже важнейшие, не воспроизведены, термин «фондообразователь» отсутствует¹⁰¹. Заслугу Габаева отметил Лебедев на предпоследнем собрании Общества российских архивных деятелей в феврале 1924 г., когда объяснял, что «нельзя смешивать понятие «архивный фонд» с тем учреждением, от которого он отложился; так возник термин «фондообразователь», предложенный Г. С. Габаевым»¹⁰². Эти слова Лебедева оказались забытыми. Сам же он был вскоре уволен из системы Централархива вместе с многими другими архивистами.

Помимо полкового родословия, переросшего на архивоведческой почве в проблему «теоретического выявления и учета» и классификации документов по фондам, Габаева волновало соотношение понятий архива, музея и библиотеки. Этой же проблемой занимался Маяковский, доклад которого (перед вынесением на I-ю Всероссийскую конференцию архивных деятелей) обсуждался 19 сентября 1921 г. научно-технической комиссией. На заседании присутствовал Платонов, что показывало значение вопроса.

Необходимо, говорил Маяковский при одобрении собравшихся, устроить параллелизм работы архивов, библиотек и музеев, их стремление оставлять у себя то, чего они не должны хранить. Он не требовал перераспределения уже собранного. Вопрос стоял о разграничении материала в будущей работе на основе «целесообразного принципа». Вот его смысл. Архивы — первоисточники знания. Они хранят нерасмноженные рукописи, включая оригиналы опубликованных трудов, а также печатные произведения, если они входят в состав первоисточников (архивных материалов). Библиотеки — распространители знания; они содержат размноженные материалы. Общей задачи музеев Маяковский не сформулировал (во всяком случае в протокольной записи этого нет), коснувшись только хранения в музеях письменных материалов. Они должны рассматриваться как экспонаты и поэтому отличаться «показательностью». Жизнь убедила, продолжал Маяковский, в необходимости существования библиотек и музеев при архивах, музеях и архивах — в библиотеках, а в музеях — архивов и библиотек¹⁰³.

Фактическим содокладчиком Маяковского стал Габаев, отметивший, что, давно работая над этими «тремя видами фондов», он накопил ряд выводов. В целом, его взгляды не расходились с позицией Маяковского. Но он пытался внести в эту проблему некоторое философское содержание, высказав идею поглощения понятий: архивные документы — часть памятников письменности (понятие, по-видимому, охватывающее рукописные и печатные произведения, архивные и не архивные рукописи). Они являются частью продуктов деятельности человека, которые, в свою очередь, входят в состав произведений природы (имеется в виду, что человек часть природы) и материальных предметов вообще. Поэтому музеи, архивы и библиотеки — «суть лишь три аспекта единого научно-просветительного института, соединяющего лабораторию ученого и кафедру популяризатора». Но архив, в основном, научная лаборатория, а библиотека и музей преимущественно занимаются популяризацией. При этом библиотека предполагает активную работу читателя, а музей — «минимальную затрату энергии зрителя».

О музейных и архивных библиотеках Габаев говорил, что они должны включать соответственно литературу по музейному или архивному делу, а также по профильным научным дисциплинам. Архивы же музеев и библиотек должны быть двух видов: а) архив как отложение их делопроизводства; б) научный архив, касающийся их основных фондов. Стремление Габаева службе освоить логику этих отношений усложнило построение. В библиотеке нужны еще заповедный отдел (уники, редкости, реликвии) — «переходная ступень к музею» и рукописный отдел из научных и художественных письменных памятников — «переходная ступень к архиву». Налицо особая позиция Габаева в этом вопросе¹⁰⁴. Но Маяковский его опередил. Он выступил на I-й конференции архивных деятелей, на конференции краеведов 1924 г., а затем опубликовал новый труд на эту тему¹⁰⁵.

С передачей в начале 1922 г. архивного ведомства в подчинение ВЦИК архивы были объявлены политическими органами. Началось их очищение от «классово чуждых элементов». С тех пор Габаев не принимал участия в работе архивных учреждений. Однако идея единства культурно-просветительных задач архивов, библиотек и музеев его не оставляла. В 1922 г. он подготовил доклад «Опыт формулировки основных принципов организации научных хранилищ», развивавший прежде высказанные мысли¹⁰⁶. В частности, трактуя архивы, музеи и библиотеки как разные формы понятия «научное хранилище», Габаев уточнял их функциональное назначение: архив, прежде всего, лаборатория ученого, музей — кафедра популяризатора, библиотека — то и другое. Он считал, что существование при них «вспомогательных отделов» — выставок (т. е. музеев) в архивах, вспомогательных архивов в музеях и библиотеках, справочных библиотек в архивах и музеях —

не нарушает научного распределения материала. Но необходимо соблюдать два условия: материал следует хранить и использовать, согласно требованиям, отвечающим их природе, и учитывать там, где должен был бы находиться, согласно логике профилирования и где его скорее всего станут искать исследователи.

Кроме архивов, библиотек, музеев, отмечал Габаев, существуют «единохранилища»¹⁰⁷, сочетающие признаки всех их вместе. К их числу он относил Пушкинский дом, Суворовский и Румянцевский музеи, Погодинское древнехранилище¹⁰⁸. Как видим, Габаев стремился охватить общим взглядом все типы хранилищ с позиций, как теперь говорят, функционального и структурного подходов. Как протекали обсуждения этого доклада, нам неизвестно¹⁰⁹. В 1942 г. Габаев дал ему новую редакцию и направил в Государственную историческую библиотеку в Москве. В 1949 г. он послал его туда же вторично. Сейчас доклад хранится в фонде В. Д. Бонч-Бруевича (ГБЛ)¹¹⁰.

В феврале 1922 г. Габаев участвовал в созванном Высшим военно-редакционным советом (ВВРС) совещании «по делам военных архивов»¹¹¹, где обсуждались подготовленные комиссией А. М. Зайончковского предложения о временной передаче из Центрархива в Наркомвоен московских военных архивов¹¹². Габаева вызвал на совещание Батенин, бывший тогда заместителем председателя ВВРС. Он пользовался расположением Троцкого и испытывал прежнюю симпатию к Габаеву.

В Москве Габаев установил контакт с П. А. Незнамовым — заведующим военной секцией Музейного отдела Главнауки, и они составили записку «о вопиющем положении военных музеев». Батенин обещал передать ее Троцкому и, по-видимому, сделал это. Другую записку Габаев написал с Белавенцом. Направляя ее Троцкому, Батенин отмечал необходимость издания приказа о «сохранении для истории знамен красных частей», а решение вопроса предлагал «поручить знатокам этого (знаменного) дела гг. Габаеву и Белавенцу...»¹¹³.

В научной деятельности Габаева была попытка выступить с трудом «К познанию строения государственной военной машины (Опыт морфологии государственных военных организмов)», который он готовил в 1921—1922 гг.¹¹⁴. Когда-нибудь историки военно-теоретической мысли дадут оценку этой монографии. Мы же отметим отношение крупных военных специалистов к «программе» Габаева, посланной в ВВРС на предварительное обсуждение. В решении Отдела русской литературы, принятом 9 мая 1922 г. по докладу А. Е. Снесарева, говорилось, что центр тяжести должен быть «не в анатомии (как у Г. С. Габаева), а в физиологии (кинематика)»¹¹⁵. Батенин не согласился с таким заключением. Его поддержал И. И. Вацетис, писавший, что мнение Снесарева «можно оспаривать в основном», а именно: кинематика лежит в основе империалистических армий, в армиях же демократических, особенно в пролетарской, «центр тяжести будет не в кинематике, а в кинетике. Судя по приложенным материалам, такого взгляда придерживается и Г. С. Габаев»¹¹⁶. Батенин подбадривал Габаева, приглашал приехать с обстоятельным докладом в Москву, торопил с высылкой рукописи книги. Габаев не поехал, видимо, из-за природной застенчивости¹¹⁷. Рукопись он послал в августе¹¹⁸. Впоследствии он писал, что принятая к печати книга не вышла, поскольку в ней отстаивалось «наличие военной науки... но тогдашний... наркомвоен признавал лишь военное искусство»¹¹⁹.

Существенное место в научном творчестве Габаева 1920-х годов занимало декабристоведение. Еще в октябре 1921 г. он поставил на заседании научно-технической комиссии вопрос о подготовке материала для широкого описания событий 14 декабря 1825 г. и 3 января 1826 г. (восста-

ние Черниговского полка) — «по методу, принятому для исследования военных действий». Это важно, поскольку «яркая вспышка гражданской войны 100 лет назад» освещалась до сих пор только с общеисторической и политической точек зрения¹²⁰.

Празднование юбилея восстания позволило Габаеву частично реализовать свой замысел. Но сначала скажем о его талантливой экспертизе (1925 г.) остатков мундира, обнаруженного несколькими годами ранее в захоронении на острове Голодае. Предполагалось, что это могила декабристов. Выводы Габаева, отмечалось в ленинградской печати того времени, вызвали «громадный интерес». По ряду признаков удалось установить, что такой мундир носили офицеры лейб-гвардии Финляндского полка (что исключало отношение к декабристам). Но решающее значение сыграла экспертиза пуговиц. «Отмочив ржавчину керосином, на пуговицах удалось рассмотреть корону и орел». Габаев знал, что такие пуговицы «киверного образца» были введены только в 1829 г. Это окончательно решило сомнения. Расширенное заседание в Ленинградском музее революции единогласно признало, что найденные на Голодае останки не принадлежат декабристам¹²¹.

На следующий год в качестве приложения к книге А. Е. Преснякова (работавшего ранее с Габаевым в Главархиве) была опубликована «военно-историческая справка» Габаева¹²², «в основу составления которой, — писал он, — было положено стремление к беспристрастному и спокойному отношению к сторонам». Их действия рассмотрены «не с политической, а с военной точки зрения, по возможности учитывая особенность эпохи и психологию участников событий»¹²³. В очерке освещается общее состояние гвардии к концу 1825 г., настроения офицеров и солдат, разделение «на два враждебных стана с возможно точным учетом состава и сил обеих сторон». Там же характеризуются руководители тех и других, их военные качества. Освещены понесенные потери, «кары и награды». Последняя глава посвящена разбору событий 14 декабря как «боевого столкновения». Источниками исследования послужили архивные материалы (высочайшие приказы, документы центральных военных учреждений, штаба гвардейского корпуса) и опубликованные труды — полковые истории, мемуары, новейшие издания.

М. В. Нечкина отметила «исключительную и блестящую эрудицию» Габаева, сочтя, что его работа, скромно названная «исторической справкой», «заслуживает названия монографии», необходимой всякому историку первой половины XIX в., «не только историку декабристов. Два плана, приложенных к справке, — Петровской площади с показанием распределения войск к заключительному моменту восстания и Петербурга с показанием казарм гвардейских частей и путей их следования к дворцу и сенату — выполнены умело и чрезвычайно ценны»¹²⁴. Это вывод показывает, какими большими творческими возможностями обладал Габаев как военный историк. Казалось бы, перед ним снова открылся путь в науку.

Но судьба сулила другое. В ночь на 15 июня 1926 г. он был вторично арестован, а затем сослан на три года в автономную область Коми. По амнистии 1927 г. высылка была сокращена на четверть срока. Вернуться в Ленинград он не мог: ему было дано «минус 6». «Я выбрал Курск с его более теплым климатом и переехал туда 6 октября 1928 г.»¹²⁵.

В Курске Габаев продолжал тему о декабристах. Работать было трудно из-за отсутствия литературы и контактов с учеными. Некоторые из них не отвечали на его письма. С «пристраиванием работ» не получалось. В журнал «Каторга и ссылка» он послал статью «Декабристы в рядах артиллерии»¹²⁶. В Обществе политкаторжан — работу о солдатах — участниках восстания¹²⁷.

Габаев восхищался присланным ему Оксманом шестым томом «Восстания декабристов» (М., 1926) и тщательно его анализировал, делал систематические «вытяжки», выясняя «роль каждого отдельного офицера и солдата... роль каждой роты и команды и общий ход операций. Все это разрабатывается в большую работу — леса пришлось построить большие»¹²⁸. Вероятно, Габаев имел в виду развернуть свою «военно-историческую справку» в монографию, какой не знала до сих пор наука.

Но здесь последовал третий арест Габаева. В «Отчете перед Родиной о работе и жизни и об испытаниях военного историка Георгия Габаева (1877—1945)» об этом сказано так: «6 марта 1930 г. я был вновь арестован и через месяц по этапу доставлен в Ленинград и помещен в один из двойников ДПЗ. Я пробыл без допроса полгода, совершенно недоумевая, за что я арестован?». 13 сентября его вызвал следователь Алдошин, сказавший, что Габаев привлечен по делу академика Платонова и «вообще Академии наук»¹²⁹.

«Я указал,— писал Габаев,— что к Академии наук никакого отношения не имею, с Платоновым же личного знакомства не имел... что с 1926 г. я убыл из Ленинграда и ни с кем, кроме детей своих, переписки не имел...». Через несколько дней Алдошин сказал: «Ведь вы намечались на должность военного министра в правительстве Платонова!». Поражает бесхитростный ответ Габаева: «Никак не могу этому поверить и никогда не принял бы такой должности, так как совершенно к ней не подготовлен, к тому же не генштабист, не экономист, не карьерист». На последнем вопросе 18 ноября следователь признал: «Да, вы правду говорили, без вас вас женили, но вас называли и Тарле, и Измайлов, и Рождественский»¹³⁰. В очной ставке Габаеву отказали. В мае 1931 г. был объявлен приговор ГПУ — по статье 58—11 десять лет концлагерей¹³¹.

Драма усугублялась тем, что другие оставшиеся в живых историки были через несколько лет освобождены и вернулись к научной работе. Почему же так жестоко обошлись с военным историком? Не сыграл ли роковую роль доклад, с которым Габаев выступил в год юбилея декабристов — «14 декабря 1825 года с военной точки зрения»? Там рассматривался (разработанный Трубецким) «план овладения сенатом, принуждения сенаторов к составлению акта в духе конституционной идеологии оставших, овладения крепостью и дворцом»¹³². Анализ военного механизма захвата власти был, вероятно, опасным занятием с точки зрения ГПУ¹³³.

Летом 1937 г., после окончания сооружения канала Москва — Волга Габаева освободили¹³⁴. Он был тяжело болен. Жил сначала в г. Талдоме, а когда проживание в Московской области запретили, переехал в г. Калезин¹³⁵. Пенсии ему не полагалось; на работу не принимали. Его содержала жена — медицинская сестра София Григорьевна Розен-Габаева, происходившая из рода декабриста А. Е. Розена: «мое седьмое большое чувство и третья, надеюсь последняя, жена»¹³⁶.

В предвоенные годы пробудился общественный интерес к русскому боевому прошлому. Габаеву удалось опубликовать несколько небольших работ¹³⁷. Он установил научные контакты с В. А. Афанасьевым, являвшимся в свое время инициатором создания Музея 1812 года в Москве¹³⁸. Их обоих глубоко интересовал вопрос о степени исторической достоверности реалий романа Л. Н. Толстого «Война и мир».

После окончательного избавления Ленинграда от блокады дочь Габаева Ольга Георгиевна хлопотала ему возвращение в Ленинград. Но уже в сентябре 1944 г. прописка была отменена. Случилось «крушение всех надежд на возвращение к научной работе и оседлой жизни»¹³⁹. Габаев писал «Клочки воспоминаний» (о гродненских гусарах) «больной и в тяжелой обстановке, в углу кухни поселка Будогощь» (Ленинградской обл.)¹⁴⁰. Но

несмотря на недуги, почтенный возраст и тяжелые условия¹⁴¹, Габаев упорно продолжал работать. Особенно его занимала тема о «Войне и мире».

В июле 1947 г. Афанасьев выступил в кутузовской комиссии военно-исторического сектора Института истории Академии наук СССР с докладом о «Войне и мире» Толстого с военно-исторической точки зрения. Одновременно он ознакомил собравшихся с тезисами содоклада Габаева. Возможность «хоть заочного выступления в столь авторитетном научном органе, конечно, глубоко меня порадовала»¹⁴². Тезисы обоих докладов идентичны по установкам и близки по содержанию.

Изучение этого вопроса Афанасьев и Габаев начали «около 40 лет назад... в период подъема интереса к эпохе». Тогда им удалось пользоваться материалами, впоследствии погибшими, и «указаниями маститых исследователей и знатоков, уже покинувших нас навсегда». Новая критическая работа, объяснял Афанасьев, является долгом авторов «как, быть может одних из последних могикан прежнего поколения военных историков»¹⁴³.

Известно, что Толстой обращался с фактическим материалом, подчиняясь логике художественного, а не научного исследования эпохи и собственному пониманию «философии истории». Однако широкие круги читателей воспринимали «Войну и мир» как историческую истину, видели в романе, говоря словами Габаева и Афанасьева, «непогрешимый первоисточник», «сборник исторических данных»¹⁴⁴. Эту иллюзию, отмечал Габаев, пытались развеять В. Б. Шкловский, Б. М. Эйхенбаум и другие ученые¹⁴⁵.

Действительно, они показали, что Толстой отбирал источниковый материал «по принципу удобства» литературного обращения с ним. Но часто писатель не располагал «бытовыми источниками» для описания «деталей» («подробностей несюжетного характера»), например, одежды. Поэтому неизбежными были ошибки, которых читатель не замечал. «Что касается батальонных указаний», восполняя их впечатлениями собственного военного опыта времени Крымской кампании или «манерой изложения»¹⁴⁶. Наблюдения литературоведов были бы гораздо полнее, если бы они обладали знанием полковой историографии и «военной геральдики».

Многолетнее постраничное изучение романа позволило Габаеву выявить до 300 неизвестных ранее «неверностей» и «анахронизмов», относящихся к организационному устройству армии и существовавшим порядкам, описаний мундиров.

Афанасьев и Габаев сформулировали четыре основных вопроса исследования: Афанасьев — «Военные авторитеты прошлого о «Войне и мире» и «Военные события и лица 1805—1812 гг. по «Войне и миру»; Габаев — «Отзывы современников и ветеранов-участников войны 1812 г. и военный элемент в отзывах невоенных авторов» и «Русская армия 1805—1812 гг. в изображении Толстого и причины неверностей»¹⁴⁷. Рукопись монографии ждет исследователей¹⁴⁸.

В 1954 г. Габаев публиковался в последний раз. Это была статья об атрибуции портрета лейб-гусара Давыдова¹⁴⁹. Он написал также «Заметки о мундироведении. Наблюдения и выводы за полвека работы» (1953 г. с последующими поправками). Здесь, в частности, рассматриваются предмет и источники этой дисциплины, говорится о ее значении для музейных работников (отчасти архивных и библиотечных), ученых, писателей, художников и режиссеров. Понятием «мундир» охватывается не только часть военного костюма, но и все обмундирование воина, вся совокупность одежды полков, «а иногда и форменное оружие и конский убор». И в этой статье есть упреки писателям, особенно Л. Н. Толстому, у которого «сражались русские оранжевые уланы, каких не было» или

«синие французские драгуны, которые в 1812 г. были еще зелеными», а сам Кутузов изображен в кавалергардской фуражке с белым (а не черным) околышем. Николай Ростов награжден солдатским Георгием «за два года до учреждения этого знака отличия». Артиллерийские роты именуются «батареями», хотя батареи появились только в 1832 г.¹⁵⁰

Интересны суждения Габаева о причинах «дискриминации» мундирования как научной дисциплины до революции. Ее истоки он видел в господстве «вахтпарадного течения», насаждавшегося при Павле I (унаследованного им от Петра III) и позже. В ответ передовые круги общества «не знали меры в ненависти и презрении ко всему, что было связано с военным мундиром». С началом же «революционных течений» проявилась враждебность ко всему, что способствовало укреплению армии и развитию интереса к ней. Мундирование третирувалось «и в доминировавших научных кругах». Вместе с тем, поражался Габаев — интеллигенция с «величайшим почтением» относилась к изучению деталей военной одежды древних персов и египтян, греков и римлян — «это была наука, это была археология». Изучение же мундиров, знамен и вооружения петровской армии, суворовских чудо-богатырей, воинов Кутузова и Багратиона — встречалось как «скалозубовщина». Габаев расставил не все акценты. Но горечь его понятна, как и надежда, что наступило, наконец, время беспристрастного научного подхода к мундироведению. Эта статья не опубликована, хотя специалисты-мундироведы ее знают.

По предложению В. А. Дякова Габаев вернулся к работе над воспоминаниями об ИРВИО. Но не успел их закончить.¹⁵¹

В 1956 г. Габаев умер. Его любовь к русскому военному прошлому была безграничной. В называвшихся специальных докладах 1920 и 1921 гг. он рисовал романтический образ русских полков в виде «истинных сухопутных кораблей», носимых «по воле судьбы и жребия войны» по пространствам Отечества и за его пределами. Они-то и были «военно-фондообразователями». Их «в боевой и военно-походной жизни» подстрегали опасности, угрожавшие бесценным архивам...¹⁵²

О себе в анкете Главнауки (1924 г.) Габаев писал, что по национальности он «русский, предки грузины», а на другой вопрос, имеются ли члены семьи, занимающиеся научной или художественной деятельностью, ответил: «Среди предков-грузин были поэты, писатели, историки, но отдаленно, в XVII—XVIII в.». Вопрос о национальности был ему безразличен. Позже он вернулся к нему. «Родным языком для меня всегда был русский, и поэтому всегда считал и считаю себя русским, хоть и грузинско-французского происхождения».¹⁵³

Всю жизнь Габаев хранил верность военно-исторической науке, честь русского офицера. Он обладал хорошими человеческими чертами: жизненной стойкостью, общительностью и пытливым умом, критическим отношением к себе и взволнованным и нежным — к родным, любовью к искусству, искренностью (оба следователя — в 1926 и 1930 гг. — признавали: да, Вы сказали правду) и в каком-то смысле житейской простотой.

Упомянутая анкета 1924 г. содержала обязательный в то время вопрос: «Если беспартийный, какой политпартии сочувствуете». Ответ Габаева выражал не только неизбежную формальную лояльность, а был результатом безусловно длительных предшествующих размышлений, оценок и внутреннего компромисса. Приведем его полностью. «Считаю, что РКП единственная организованная и жизненная партия, имющая силу провести необходимые меры устройства жизни и быта Русского государства как авангарда нового мирового устройства жизни».¹⁵⁴

В «Отчете перед Родиной...» Габаев писал, что в жизни он встре-

чался не только с доброжелательными людьми. Наибольшим недоброжелателем он назвал не следователя Алдошина, а своего коллегу по ИРВИО М. К. Соколовского, глубоко переживая его издевательское отношение к себе, в частности прозвание «ремешковым историком» и нападки в печати до и после революции.¹⁵⁵ Об этом нельзя не рассказать. Мемуары Соколовского, написанные на грани 20—30-х годов, показывают, насколько глубоко он ненавидел Габаева и близких ему членов ИРВИО — М. Д. Поливанова и А. И. Григоровича. Не отрицая их огромного трудолюбия, в котором было «что-то пчелино-муравьиное», Соколовский считал, что у них отсутствовал литературный талант «в смысле стиля или художественного отражения действительности». За уклон в изучение военной формы, кантиков и ремешков на амуниции, я писал Соколовский: «печатно обмолвился удачным термином: ремешковые историки... Кличка эта так и осталась за этойю тройцею».¹⁵⁶

Ненависть Соколовского к «этойю выводку», но главным образом, к Габаеву, определялась завистью к преуспевающим офицерам и различием взглядов на военную историю. Соколовский был по складу ума беллетристом, считавшим, что к полковой историографии неприменимы общенаучные «требования полноты и критического элемента». Главный предмет военно-исторического знания — описание доблестей, и не надо заниматься «игрою в свет и тени».¹⁵⁷ Во что это выливалось, показал Поливанов в рецензиях на две полковые памятки Соколовского. Отметив фактические неточности, бедность фактического материала, назойливое употребление эпитетов «храбрый», «доблестный», «славный», рецензент заключал, что «обе памятки написаны по одному шаблону». Он сопоставил также цитаты с дословными совпадениями, хотя речь шла об истории разных полков.¹⁵⁸ Ответом Соколовского были слова: «... Попробуйте тронуть этот муравейник ремешковых историков: он вмиг зашевелится и укусит».¹⁵⁹

Соколовский знал семейные связи Габаева: тот был племянником наместника на Дальнем Востоке адмирала Е. И. Алексева (1843—1909) — внебрачного сына Александра II.¹⁶⁰ Это объясняет наличие в фонде Габаева фотоснимков Алексева и русской эскадры в Порт-Артуре.

Воспоминания Соколовского частично опубликованы, но без упоминания о Габаеве и о некоторых других архивистах. Во вводной статье сказано, что это — любопытная зарисовка «деятельности архивистов конца XIX — начала XX века как бы изнутри с точки зрения специалиста архивного мира», в котором вращался Соколовский. Хотя с 1916 г. он был председателем Петроградской ученой архивной комиссии, но архивного дела профессионально не знал, и в столице, где было много крупных архивистов, авторитетом никогда не пользовался. Это ясно проявилось, в частности, в июле 1917 г., когда Соколовский заявил, что разработкой проекта общего архивного законодательства должно заниматься междуведомственное совещание при Петроградской ученой архивной комиссии, а не Союз российских архивных деятелей. Председатель Союза А. С. Лаипо-Данилевский заявил об отказе Академии наук вступать в контакт с комиссией Соколовского. Это же сказали представители крупнейших архивов — Сената, Министерства народного просвещения, Государственного архива МИД. Совет Союза отверг притязания Соколовского.¹⁶²

Но это была не первая и не последняя неудача Соколовского на научно-общественном поприще.¹⁶³ Отсюда его желчная раздражительность. Он негодовал, что после революции Габаеву «посчастливилось занять хорошие посты: сперва он заведовал секцией военных архивов, хотя он не был архивистом, а затем — военным музеем, хотя он не был музееве-

дом. Сюда он внес теоретичность, заоблачность, дилетантизм». Так лгал Соломоновский. Тревожное чувство вызывают такие его слова: это был «человек из породы мелких инфузур». А борьба с невидимыми инфузурями труднее, чем со слонами»¹⁶⁴.

* * *

В центре данной статьи была архивная деятельность Габаева. Но главный ее вопрос — предпосылки и рождение понятия «фондообразователь», — неразрывно связанный с изучением Габаевым полковой генеалогии. Открытие этого понятия было важнейшим фактом истории архивоведения. Нет ни одного направления современного архивного дела, в котором понятие «фондообразователь» не является необходимым. Оно глубоко внедрилось в научное мышление архивистов, перешло к историкам, став необходимым элементом их источниковедческой культуры. Но так было не всегда.

Большой ошибкой явился отказ опубликовать доклад Габаева 1921 г. о полковом родословии как одном из базисов архивной работы. Ведь он вывел теоретическую мысль на развитие научных основ фондирования, поскольку предложенный в нем метод полкового родословия, как теперь ясно, являлся частным случаем метода историко-учрежденческого анализа, лежащего в основе современной теории фондирования¹⁶⁵. Приходится сожалеть также, что во время терминологической дискуссии 1925 г. и при осмыслении ее итогов московские архивисты не оценили научного значения термина «фондообразователь», фигурировавшего в ленинградской дефиниции понятия архивного фонда¹⁶⁶. Правда, термин «фондообразователь» оказался притягательным. Его использовал Н. Ф. Бельчиков (видоизменив ленинградскую дефиницию) в статье о работе с документами личного происхождения¹⁶⁷. Широко применял он это понятие и в своей книге, не получившей признания архивистов¹⁶⁸.

В методически полном виде проблема фондообразователя нашла выражение в конце 1930-х годов — в «Правилах определения архивных фондов и деления архивных материалов по историческим эпохам» (М., 1939), разработанных Б. И. Анфиловым.

Однако этот норматив, утвержденный в декабре 1938 г., не был введен в действие в связи с переходом архивных учреждений в ведение НКВД СССР, где Анфилов (тоже бывший гвардейский офицер) был сочтен чужеродным элементом. От уничтоженного тиража случайно сохранились отдельные экземпляры. Правила были в срочном порядке переработаны и сокращены ленинградским архивистом Л. И. Полянской¹⁶⁹. Так понятие «фондообразователь» получило всеобщее нормативное значение.

На наших глазах возродилось изучение тех отраслей знания, которые в совокупности называются военной геральдикой и которыми увлечено занимался Габаев. Теперь к ним относят вексилологию (знаменоведение), эмблематику, фалеристику (наградоведение), мундироведение, или точнее униформологию¹⁷⁰. Что касается «полковой генеалогии», то она разрабатывается в узко прикладном аспекте — при составлении схем систематизации военных фондов и уточнении фондовой принадлежности документов таких фондов. Но если специалисты по этим специальным дисциплинам и по батальной живописи ссылаются на труды Габаева, то в архивоведческой литературе его имя напрочь забыто.

Созданное Габаевым 1-е Петроградское отделение III секции ЕГАФ просуществовало под различными названиями до 1955 г., когда оно (будучи тогда филиалом ЦГВИА) было присоединено к ЦГВИА. Перевозка материалов филиала, значительная часть которых была собрана и спасена Габаевым и его сотрудниками, в Москву была завершена в 1958 г.

Публикуя данную статью, мы надеемся, что вклад Георгия Соломоновича Габаева в теорию и практику архивного дела отныне не будет анонимным.

⁷⁸ В конце июля покинул Петроград Батенин, зачисленный в «в посыл г. Троцкого по его вызову на Южный фронт» (ЦГАСА. Личные дела. Д. 171/991. Л. 4). Связей с отделом он не потерял.

⁷⁹ «Описанное страдание, — говорилось в медицинском свидетельстве, — произошло вследствие условий военной службы и походной обстановки» (ЦГВИА СССР. Ф. 796. Оп. 1. Д. 1. Л. 228). Но Габаев болел еще с 1910 г. «На войну пошел добровольцем (т. е. мог остаться в тылу. — В. А.), но через силу» (ОР ГПБ. Ф. 1001. Оп. 1. Д. 33. Л. 24).

⁸⁰ ЦГАСА. Ф. 15133. Оп. 1. Д. 54. Л. 28, 280, 601 и др.

⁸¹ Там же. Ф. 33 987 (Секретариат председателя РВСР). Оп. 1. Д. 245. Л. 4 — 4 об. (К письму Рязанова приложена обстоятельная справка с упором на работу Габаева «по историко-архивной и музейной частям»). Должность заведующего III секцией ЕГАФ после мобилизации Селивачева была вакантной. Вслед за Габаевым через две недели был призван и Зуев. Проект создания «автономного Военно-научного института» выдвинул Батенин в связи со своей идеей разработки «высшей стратегии» — дисциплины, призванной заполнить «пропасть» между достижениями военных, народнохозяйственных и социально-политических знаний. В 1919 г. он сделал доклад на эту тему общему собранию военно-научноиздательского отдела (см.: Военная наука и революция: Военно-научный журнал. М., 1921. Кн. 2. С. 235, 245).

⁸² ЦГАСА. Ф. 33 987. Оп. 1. Д. 245. Л. 1—2.

⁸³ Повышение в должности Габаев объяснял в своеобразных выражениях: «2 недели не возвращался на квартиру [в Петрограде], бесменно работая по укреплению позиций на подступах к Петрограду — против Юденича» (ЦГАОР г. Ленинграда. Ф. 2555. Ленинградское отделение Главнауки. Оп. 1. Д. 826. Л. 4 об.). Став «отдельным руководителем», Габаев принял меры к улучшению письмоводства и чертежной работы в управлении своего строительства (ЦГАСА. Ф. 15 133. Оп. 1. Д. 54. Л. 199).

⁸⁴ ОР ГПБ. Ф. 1001. Оп. 1. Д. 64. Л. 3, 10.

⁸⁵ Там же. Д. 65. Л. 1—13. В архивных документах встречается другое название документа: «Деятельность 1-го отделения III секции ЕГАФ и работы по составлению русских войсковых хроник» (ЦГВИА СССР. Ф. 796. Оп. 1. Д. 192. Л. 20 об.).

⁸⁶ Аннинский С. Указ. соч. С. 379.

⁸⁷ «Теоретическим вывешиваем» такую логическую операцию Габаев называл еще в 1918 г.: «...теоретически вывешиваем, но еще фактически не разысканы и не приняты на учет архивы войсковых штабов, управлений, заведений и частей, предполагаемые...» — всего 204 архива (ЦГВИА СССР. Ф. 796. Оп. 1. Д. 29. Л. 1). В 20-е годы Габаев разработал

«теоретический список» петроградских военных музеев (ОР ГПБ. Ф. 1001. Оп. 1. Д. 53. Л. 46—48).

⁸⁸ ОР ГПБ. Ф. 1001. Оп. 1. Д. 7. Л. 1—12; Д. 33. Л. 25 об.— 26, 53—53 об.; ЦГАСА. Ф. 15133. Оп. 1. Д. 39. Л. 104 об.

⁸⁹ Комиссия создана Платоновым в марте 1921 г. для разработки теоретических, технических и научно-статистических вопросов и лучшей организации работы архивов в интересах русской исторической науки» (ЦГАОР СССР. Ф. Р-5325. Оп. 9. Д. 219. Л. 14).

⁹⁰ Там же. Л. 33.

⁹¹ Там же. Л. 101. Сведения о работе кружка см.: Автократов В. Н. Понятие «архивный фонд» в советском архивоведении 1920-х годов // Археографический ежегодник за 1984 год. М., 1986. С. 49.

⁹² ОР ГПБ. Ф. 1001. Оп. 1. Д. 55 (доклад и тезисы). В 1921 г. «на совещании военных музеев» в Петрограде Габаев прочитал доклад с критическим разбором утвердившегося (после выхода кн.: Бранденбург Н. Е. Пятьсот лет русской артиллерии. СПб., 1889) взгляда на дату начала русской артиллерии, опирающегося на сомнительное сообщение Голландской летописи: «Лета 6897 (1389) вывели из немечь арматы на Русь...». Консультантами Габаева являлись «председатель и ученый секретарь Археографической комиссии» (С. Ф. Платонов и В. Г. Дружинин) и «ученый хранитель Отдела рукописей Публичной библиотеки». Члены совещания, писал через много лет Габаев, согласились с его выводами, что артиллерия появилась на Руси раньше, чем об этом сказано в Голландской летописи (Габаев Г. О некоторых ошибках русской военной историографии // Военно-исторический журнал. 1940. № 3 (8). С. 148). На это короткое сообщение сразу отозвался обстоятельной статьей А. А. Монгайт «Русская артиллерия в XIV—XVI вв.» (там же. 1940. № 7 (12). С. 62—76). Затем последовали: Мавродин В. В. О появлении огнестрельного оружия по Руси // Вопросы истории. 1946. № 8/9; Федоров В. Г. К вопросу о появлении артиллерии на Руси. М., 1949; История отечественной артиллерии. М., 1959. Т. 1. Кн. 1. Габаеву опять «не повезло». Авторы всех названных работ приняли его точку зрения и аргументацию, но имени его не упомянули.

⁹³ ОР ГПБ. Ф. 1001. Оп. 1. Д. 55. Л. 40. Доклады на музейной конференции 1920 г. и в Русском историко-генеалогическом обществе нам неизвестны.

⁹⁴ Там же. Л. 2. Подчеркнуто в оригинале.

⁹⁵ Там же. Л. 41—43.

⁹⁶ Этот взгляд восходил к определению, разработанному в 1914 г. комиссией ИРВИО, возглавлявшейся А. К. Байковым и Д. П. Струковым (в нее входили Габаев, Григорович, Печенкин и другие военные историки): «Му-

зей... войсковой части есть собрание и хранящиеся вестественных, письменных и графических (художественных) памятников, свидетельствующих о былой службе, доблести, верности и боевых подвигах части, а также о наградах... пожалованных данной части». Оговаривалась недробность музея: «При ликвидации музея (в случае реформирования или расформирования части) — дробление музея безусловно не допускается» (Проект положения о войсковых музеях // Журнал ИРВИО. 1914. № 4/5. С. 298, 300). Говоря о Едином военно-историческом музее, Габаев продолжал идею, активно разрабатывавшуюся с самого начала XX в. Вопрос рассматривался одной из комиссий Государственной думы (Разгон А. М. Очерк истории военных музеев в России (1861—1917 гг.) // Труды НИИ музееведения. М., 1962. Вып. 7. С. 166—168).

⁹⁸ ЦГАОР СССР. Ф. Р-5325. Оп. 9. Д. 219. Л. 35—35 об.

⁹⁹ Там же. Д. 304. Л. 76—79 об. Это тот же материал, что хранится в фонде Габаева (ОР ГПБ. Ф. 1001. Оп. 1. Д. 53), но без имеющихся там лакун. На докладе — отметка Н. Ф. Бельчикова: «Получено от А. С. Николаева ... очевидно для осведомления из Главархива. Передать следует в информационно-статистическую часть ОРГО». Как видим, Бельчиков не оценил научной важности доклада. Материал в организационный отдел передан не был. Он обнаружен сравнительно недавно (см.: Седелники В. О. Журнал «Исторический архив» и возникновение советской архивной периодики. 1918—1921 // Археографический ежегодник за 1979 год. М., 1981. С. 119).

¹⁰⁰ Автократов В. Н. Понятие «архивный фонд»... С. 48—50.

¹⁰¹ Пичета В. 1-я Всероссийская конференция архивных деятелей (Москва, 29 сент.—3 окт. 1921 г.) // Архивное дело. 1923. Вып. 1. С. 121—122. Андреев посчитал, что этот отчет отредактирован «с явным намерением умалить заслугу Петрограда» (ЦГАОР СССР. Ф. Р-7789. Оп. 1. Д. 1. Л. 201 об.—202). Разработанная в кружке им. Лаппо-Данилевского терминология была опубликована только накануне 1-го съезда архивных деятелей РСФСР (Архивное дело. 1925. Вып. 2. С. 50—52). С таким опозданием в печати появился термин «фондообразователь».

¹⁰² ЦГАОР СССР. Ф. Р-7789. Оп. 1. Д. 1. Л. 210 об.

¹⁰³ Там же. Ф. Р-5325. Оп. 9. Д. 219. Л. 53—53 об.

¹⁰⁴ Маяковский говоря о желательности создания межведомственного органа для координации и разграничения сфер деятельности архивов, музеев и библиотек. Присутствовавший музейвед А. А. Миллер его не поддержал. Габаев же одобрил и дополнил: нужен не только «единый центр управления или хотя бы объединяющий орган учета и распределения фондов», но и ученое общество — центр общения научных тружеников музеев, архивов и библиотек с учеными, работающими

ми в них, а также учебное заведение «в духе нового археологического института, т. е. с общим фундаментом и дальнейшим разветвлением по факультетам» (там же. Л. 54—54 об.).
¹⁰⁵ Пичета В. Указ. соч. С. 116—117 (изложение доклада); Маяковский И. Д. Музеи, архивы и библиотеки в их взаимоотношениях // Дневник 2-й Всероссийской конференции по краеведению. Москва, 9—14 декабря 1924 г. М., 1924. № 1—4; Он же. Архив, библиотека и музей // Архивное дело. 1926. № 5/6, 7.

¹⁰⁶ ОР ГПБ. Ф. 1001. Оп. 1. Д. 63.

¹⁰⁷ Идея единохранилища привнесла Габаева и раньше. В середине июля 1918 г. «трофейная комиссия, озабоченная, куда определить свой архив (предлагался переезд в Москву), пригласила для консультации Габаева — «как знатока архивного дела» и к тому же «лицо весьма компетентное и близко стоящее к администрации». Габаев, только начавший работу в создававшейся тогда архивной системе, прямого ответа не дал, но указал «несколько мест, где предполагается устроить общий архив». Он назвал имя Рязанова, «который безусловно мог бы оказать неоплачиваемую услугу комиссии». В его словах прозвучала и такая мысль: «в недалеком будущем будет одно общее хранилище исторических ценностей, куда должны передаться все исторические материалы, памятники культуры прошлого, а главным образом — военно-исторические материалы» (ЦГВИА СССР. Ф. 16 180. Оп. 1. Д. 282. Л. 21 об., 22 об.). В этой протокольной записи просматривается идея единохранилища, создание которого в обстановке 1918 г. Габаев считал реальным.
¹⁰⁸ Обычное написание — «древлехранилище».

¹⁰⁹ С этим докладом Габаев выступал в петроградском музейном отделе, «обществах архивных деятелей и военно-научном» (ОР ГПБ. Ф. 1001. Оп. 1. Д. 33. Л. 28 об.). Отдельные его положения использованы в докладе на петроградской музейной конференции 1923 г.: Габаев Г. Ленинградские военные музеи и принципы военно-музейного строительства // Музей. Пг., 1924. № 2. Тогда же была опубликована работа: [Габаев Г.] Военно-музейное дело // Военный календарь: Справочник и записная книжка на 1924 год. Пб., 1924. С. 621—629. Фамилия Габаева названа в числе составителей календаря. Свое авторство он назвал сам (ОР ГПБ. Ф. 1001. Оп. 1. Д. 419. Л. 3).

¹¹⁰ ОР ГПБ. Ф. 369 (В. Д. Бонч-Бруевич). Карт. 379. Д. 25. Л. 1—5. Этот текст использован в данной работе.

¹¹¹ ОР ГПБ. Ф. 1001. Оп. 1. Д. 53. Л. 49—52.

¹¹² Поликарпов В. Д. Указ. соч. С. 161, 166—168.

¹¹³ ОР ГПБ. Ф. 1001. Оп. 1. Д. 53. Л. 53—54, 64. В письме Батенина от 3 мая 1922 г. проскальзывает отзвук разговора с Троцким: надо ждать решения Реввоенсовета об организации в этих целях «Постоянного совещания с диктаторскими полномочиями». Батенин просил Габаева сообщать «о всех не-

правомысленных случаях в отношении музеев, библиотек и архивов, дабы можно было без волокиты помочь в нужную минуту» (там же. Д. 436. Л. 2). С марта 1925 г. Габаев возглавлял ленинградские военные музеи. Он добился возвращения Артиллерийского музея из Ярославля и Суворовского из Владивостока. Коротко Габаев сообщает, что он организовал собрание знамен «трофейной комиссии», закрытых военных музеев, соборов, конфискованных частных собраний и др., разработал новый проект единого военного музея — в Инженерном замке и Кронверке, а также содействовал открытию отдела декабристов в Ленинградском музее революции (там же. Д. 33. Л. 26—27).

¹¹⁴ Там же. Д. 330—340.

¹¹⁵ Там же. Д. 341. Л. 2.

¹¹⁶ Там же. Д. 436. Л. 5. Кинематика — изучение движения тел без учета их масс и причин, вызывающих движение; кинетика — изучение движения в зависимости от этих причин.

¹¹⁷ Слишком крупной личностью был его оппонент Шенарев — генерал-лейтенант, профессор, директор Института востоковедения. О столкновении взглядов военных историков того времени см.: Поликарпов В. Д. Указ. соч. С. 141—145.

¹¹⁸ ОР ГПБ. Ф. 1001. Оп. 1. Д. 421. Л. 1; Д. 436. Л. 4, 7, 8.

¹¹⁹ Там же. Д. 33. Л. 28.

¹²⁰ ЦГАОР СССР. Ф. Р-5325. Оп. 9. Д. 219. Л. 61. Комиссия не поддержала Габаева, вероятно, потому, что существовало авторитетное в то время мнение М. С. Ольминского, отрицательно относившегося к дворянам-революционерам (Очерки истории исторической науки в СССР. М., 1966. Т. 4. С. 337, 341). Еще в 1919 г. был рассыпан набор подготовленного Б. Л. Модзалевским и А. А. Сиверсом «Алфавита декабристов». В 1920 г. этот материал был подготовлен снова, дошел до стадии чистых листов, но в печати не появился (Миرونенко С. В. 60 лет издания документальной серии «Восстание декабристов» // Археографический ежегодник за 1986 год. М., 1987. С. 28). Габаев, видимо, этого не учитывал.

¹²¹ Годовщина казни декабристов // Красная газета. Вечерний вып. (Ленинград). 1925. 27 июля. № 184. С. 3. Ленинградский музейед А. Д. Марголис сообщил мне, что этот материал в сокращенном виде печатался в других газетах. См. также: Чернов А. [Ю]. Поминание // Огонек. 1989. № 4. С. 24—25.

¹²² Пресняков А. Е. 14 декабря 1825 года. С приложением военно-исторической справки Г. С. Габаева «Гвардия в декабрьские дни 1825 года». М.: Л. 1926. С. 154—206.

¹²³ Там же. С. 155. В 1926 г. Габаев выступал с докладом «Восстание Черниговского полка (по поводу статьи М. В. Нечкиной)». См.: Декабристы и их время. М., [1928]. Т. 1. С. 231.

¹²⁴ Нечкина М. Пресняков А. Е. 14 декабря 1925 г. — Реу. // Печать и революция. 1927. № 1. С. 155. Несколько раньше появля-

лся краткий отзыв, подписанный криптонимом Г. Ш. М., где о той же работе Габаева было сказано несколько положительных слов (Книга и профсоюз. 1926. № 9. С. 20).

¹²⁵ Габаев, как и довольно многие интеллигенты тех лет, увлекался оккультизмом, считая это «разрешенным». Но такие занятия уголовно преследовались. Положение Габаева усугубил отказ назвать имена людей, слушавших его лекции «по энциклопедии оккультизма в зимы 1923—24 и 1924—25 гг.» (ОР ГПБ. Ф. 1001. Оп. 1. Д. 33. Л. 54—54 об.). «Минус 6» означало запрещение проживать в шести крупнейших городах. В ссылке (глубокая Усть-Вымь) заниматься наукой было невозможно. Габаев сочинял «Новолрутковляну» — шутки в стиле Козьмы Пруткова — о старом военном быте в прозе и стихах. «Не знаю, куда с этим деться, — писал он в 1929 г. Оксману, — в печь или сохранить?» (там же. Д. 425. Л. 11). Но сохранил (там же. Д. 361—418). Сюжет «Константин и декабристы» (Выписки из сборника произведений Пруткова) см.: ЦГАЛИ СССР. Ф. 2567 (Ю. Г. Оксман). Оп. 1. Д. 1165.

¹²⁶ ОР ГПБ. Ф. 1001. Оп. 1. Д. 245. Л. 7. Эскимляр рукописи статьи сохранился в фонде Оксмана (ЦГАЛИ СССР. Ф. 2567. Оп. 1. Д. 1164). В этом же фонде — очерк Габаева «Массовый декабрист. Солдаты Черниговского полка — участники восстания 1825 г.» (Д. 1165).

¹²⁷ Она вышла, когда Габаев этого меньше всего мог ожидать: Габаев Г. Солдаты — участники заговора и восстания декабристов: Библиографическая справка // Декабристы и их время. М., 1932. Т. 2.

¹²⁸ ОР ГПБ. Ф. 1001. Оп. 1. Д. 245. Л. 6 об.

¹²⁹ Там же. Д. 33. Л. 55. По методам следствия дело Платонова не отличалось от других политических дел того времени: «Промлартия», группы А. В. Чаянова, «монархической организации» военных специалистов, А. Е. Слесарева и др. «Дело Платонова» замышлялось как удар прежде всего по ленинградской школе историков. Общий смысл обвинений выразил М. М. Цвибак: «Платонов объединяет людей на «научной» и чисто политической основе вокруг своих антисоветских идей в Главархиве, Археографической комиссии, Архиве и Библиотеке Академии наук, Пушкинском доме». В полном контакте с Платоновым, продолжал Цвибак, идут эпитоны московской соловьевско-ключевцевской школы, а также последователи Лаппо-Данилевского, давшие ему «живую силу сотрудников в наиболее основных звеньях вредительства» ([А. И.] Андреев) на историческом фронте... (Зайдель Г. Цвибак М. Вредительство на историческом фронте: Тарле и его школа. Платонов и его школа // Проблемы марксизма. 1931. № 3. С. 107—108). Аресты историков перекинулись на Москву и периферию (Брачев В. С. «Дело» академика С. Ф. Платонова // Вопросы истории. 1989. № 5).

¹³⁰ Н. В. Измайлов заведовал Рукописным отделом Пушкинского дома, ему преемствовалось руководство военной частью «заговора»

историков (освобожден в 1934 г.). С. В. Рождественский — чл.-корр. АН, ученый хранитель рукописного отдела библиотеки АН; его статьей «Историк-археолог-архивист» открылось издание журнала «Архивное дело» (1923. Вып. 1). Умер в ссылке в 1934 г. Е. В. Тарлс ряд лет возглавлял экономическую секцию ЕГАФ; согласно следовательской версии предназначался в министры иностранных дел; освобожден в 1932 г. О том, что они давали ложные показания, см.: Анциферов Н. Из воспоминаний // Звезда. 1989. № 4. С. 133, 136.

¹³¹ ОР ГПБ. Ф. 1001. Оп. 1. Д. 33. Л. 55—56.

¹³² Гордкин Я. События и люди 14 декабря: Хроника. М., 1985. С. 121.

¹³³ В 1929 г. издание серии «Восстание декабристов» превралось, хотя уже было объявлено, что очередной том находится в печати (Мироненко С. В. Указ. соч. С. 31).

¹³⁴ Пребывание в местах заключения Габаев описывает, стараясь не раскрывать своего морального состояния, показывая, что и там он оставался самим собой. Доставленный летом 1931 г. на Соловки, он «сразу стал работать ударником» — письмоводителем, картотечником и архивариусом финчасти, «читал лекции по военной истории Соловков». С ноября 1931 г. он был на Медвежьей Горе, продолжая те же занятия, а осенью 1934 г. «загребован в Дмитлаг» для работы «в редакции монографии о Беломорканале» (помощником технического редактора), а также хранителем музея строительства канала Москва — Волга и инженером техинспекции (ОР ГПБ. Ф. 1001. Оп. 1. Д. 33. Л. 56).

¹³⁵ Там же. Л. 57. В фонде Габаева имеется часть воспоминаний С. Г. Кропоткиной (вдовой П. А. Кропоткина), проживавшей в г. Дмитрове (там же. Д. 519; Галочко Л. В., Старостин Е. В. Архив П. А. и А. А. Кропоткиных // Записки ОР ГПБ. М., 1973. Вып. 34. С. 39). Не навешал ли ее Габаев? В те годы в Дмитрове жил художник В. М. Голицын (кстати, но это интересно лишь немногим архивистам, двоюродный братки Н. В. Голицына — директора Петербургского Государственного архива). Он вел дневник, о котором написал его сын — тоже художник — Илларион Владимирович. Это были «записки в форме литературных портретов». Изображаемые лица «имели в характере своим некоторую чудачинку, особенность редкого дара, увлеченность чем-либо удивительным» (Голицын И. Монах художника // Горизонт. 1988. № 5. С. 61). Автор данной статьи позвонил И. В. Голицыну, который ответил, что помнит Габаева, бывавшего несколько раз в их доме, а затем прочитал из дневника отца страницу о Габаеве: это единственный в стране человек, знающий мундир всех русских полков. «Мал ростом, нижняя губа выплывает; очень славный». В лагере был «смотрителем Канального музея». И далее: «Влюбчив. Копаются в гальке и камушках. Красками и тушью выявляет профили своих симпатий, раскладывает по коробочкам и дарит с любовными виршами».

¹³⁶ Габаев Г. Исповедь-хроника жизни сердца, 1892—1927 (ОР ГПБ. Ф. 1001. Оп. 1. Д. 13. Л. 25; написано в 1949 г.).

¹³⁷ Габаев Г. Русское военно-историческое общество; Он же. Ф. О некоторых ошибках...; Габаев Г.; Афанасьев В. Военские звания царской армии // Военно-исторический журнал. 1940. № 4 (19). Почему-то при последней работе напечатано «С. Габаев». Но Габаев указал ее в списке своих опубликованных трудов (ОР ГПБ. Ф. 1001. Оп. 1. Д. 419. Л. 3). У Габаева был сын Сергей — селекционер, доцент сельскохозяйственного института, погибший в блокадном 1942 г. «Его работы... переведены на несколько европейских языков и на японский». Своим детям Габаев посвящал несколько трогательных страничек. Старший сын Виктор, много обещающий как инженер, перед самым окончанием института был арестован в 1927 г. и отправлен «к Белому морю». Умер после освобождения в 1930 г., не вынеся испытаний. Дочь Ольга — «поступить в вуз ей не удалось». — работала техником-конструктором. Их мать Александра Сергеевна (дочь генерала Мезенцева) также умерла в блокадном Ленинграде (там же. Д. 31. Л. 2—3 об.). Ольга Георгиевна умерла в 1988 г.

¹³⁸ Афанасьев В. А. Где быть музею 1812 года? М., 1907. Он же предложил создать кружок ревнителей памяти 1812 года, членом которого был Габаев (Панов М. В. Кружок ревнителей памяти 1812 года при Московском отделении ИРВИО: Очерк возникновения и деятельности в первое пятилетие его существования. М., 1915. С. 3, 19). Габаев входил и в комитет по устройству музея (ЦГАОР СССР. Ф. Р-7789. Оп. 1. Д. 49. Л. 304).

¹³⁹ ОР ГПБ. Ф. 1001. Оп. 1. Д. 33. Л. 52.

¹⁴⁰ Там же. Д. 35. Л. 10 об.

¹⁴¹ Максим Маркович Горохов, хранитель Музея Л. Н. Толстого, работавший прежде в Музее Бородинской битвы, сообщил автору этих строк, что Габаев состоял в переписке с Бородинским музеем. Примерно в 1954 г. он рассказывал в письме о своей жизни, просил материальную помощь. «Музей найдет возможность оказать помощь — как консультанту».

¹⁴² ОР ГПБ. Ф. 1001. Оп. 1. Д. 265. Л. 5.

¹⁴³ Там же. Л. 2. В документах сектора удалось найти лишь упоминание, что доклад состоялся (Архив ИИ СССР. Ф. 1. (Дела института). Оп. 1. Д. 299. Л. 14).

¹⁴⁴ ОР ГПБ. Ф. 1001. Оп. 1. Д. 265. Л. 8. Подобное заблуждение разделял заведующий Лефортовским архивом: «Главное же достоинство этого романа — его абсолютная документальная правдивость в тех его местах, в которых граф Л. Н. Толстой описывает фактическую сторону войны 1812 года» (Поликarpов Н. П. О чествовании юбилея войны 1812 года // Журнал ИРВИО. 1910. № 3. С. 13.— Редакция журнала с этим утверждением не согласилась).

¹⁴⁵ ОР ГПБ. Ф. 1001. Оп. 1. Д. 265. Л. 8.

¹⁴⁶ Шкловский В. Материал и стиль в романе Льва Толстого «Война и мир». М.

[1928]. С. 35, 89—91, 94, 179, 222 и др.; Эйхенбаум Б. Лев Толстой. Л.; М., 1931. Кн. 2. С. 259—261, 338. Эти вопросы обсуждались и дореволюционными авторами. Часть статей только что переиздана в книге: Роман Л. Н. Толстого «Война и мир» в русской критике / Сост., автор вступительной статьи и комм. И. Н. Сухих. Л., 1989.

¹⁴⁷ ОР ГПБ. Ф. 1001. Оп. 1. Д. 265. Л. 2, 6. Первоначально работа замышлялась без последнего «очерка». В таком составе она была завершена в начале июля 1941 г. Рукопись сохранилась, но без текста Габаева, в личном архиве Владимира Александровича Афанасьева (умер в 1953 г.), находящемся у его внучки Натальи Михайловны Горбатовой. Материалы архива изучает Сергей Алексеевич Саломжилов, занимающийся генеалогией в общественном совете потомков участников Отечественной войны 1812 г. при Музее Бородинской битвы. Благодаря их любезной помощи, автор данной статьи ознакомился с этим материалом.

¹⁴⁸ Там же. Д. 265., 267, 269, 274 и др.

¹⁴⁹ Вавра В., Габаев Г., Якубов В. Новая атрибуция портрета О. А. Кипренского // Искусство. 1954. № 6. В статье подтверждено, что это портрет партизана Дениса Давыдова, а не его брата Евдокима, как одно время предполагалось. Военная иконография и батальная живопись всегда интересовали Габаева. С молодых лет он собирал коллекцию портретов военных деятелей. О ней он писал Оксману в 1929 г., что она хранится в ящиках в ленинградской квартире его бывшей семьи и доставляет ей несудобства (ОР ГПБ. Ф. 1001. Оп. 1. Д. 425. Л. 4). Габаев считал, что публикуемые им описания знамен, форм обмундирования призываны, в частности, помочь художникам избежать грубых ошибок. И приводил примеры: в сценах сражений 1812—1814 гг. галереи Зимнего дворца изображены знамена, которые полки получили после, в награду за эти сражения. «... Даже картины Верещагина страдают ошибками и сочетанием несочетаемого (одна часть обмундирования одного полка, другая часть... другого полка и т. д.)» (см.: Габаев Г. Роспись полкам 1812 года. С. 5).

Регулярно публикуя отзывы о выставках художников, Габаев выделял военно-исторические произведения и показывал допущенные промахи. Так, П. П. Карягину (изобразившему эпизод сражения при Березине) он советовал внести исправления: парадные ботфорты заменить походными, «уничтожить султаны на киверах». Такой подход присущ всем отзывам Габаева о вернисажах. Это мешало ему хорошо чувствовать живопись и наслаждаться ею. Одним из первых он заметил талант М. Б. Грекова — будущего советского баталиста. Его картина «Из жизни Нижегородского полка», «хотя и повторит довольно знакомый сюжет [схватки] двух всадников на полном скаку», но выполнена прекрасно. «Чудесно передано движение и освещенные солнцем горные дали. О полотне молодого Ю. И. Репина «Туркменский бой» сказано,

что оно талантливо, полно «неподдельного воодушевления, здорового русского чувства» (Журнал ИРВИО. 1913. № 4. С. 177—178. См. также: 1912. № 1. С. 22; 1913. № 2. С. 60—61; № 3. С. 109—110; 1914. № 1. С. 21—23 и др.). Многие заметки о вернисажах и рецензии Габаев подписывал Г. Г., иногда Г. Б. В. или Га-ев. В 1940 г. он позавидовал сообщить об этом Масанову (ОР ГПБ. Ф. 616. И. Ф. Масанов. Карт. 6. Д. 46. Л. 1—4). Учтен был только первый криптоним (Масанов И. Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей. М., 1960. Т. 4. С. 118).

¹⁵⁰ ОР ГПБ. Ф. 1001. Оп. 1. Д. 165. В фонде Габаева сохранились привлекающие внимание выполненные им красивые рисунки форменной одежды русских и французских частей, участвовавших в Бородинском сражении (см. Голубева О. Д. В мире книжных сокровищ. Л., 1988. С. 34).

¹⁵¹ Дьяков В. А. Указ. соч. С. 276.

¹⁵² ОР ГПБ. Ф. 1001. Оп. 1. Д. 52. Л. 2 б;

Д. 65. Л. 22.

¹⁵³ ЦГАОРСС г. Ленинграда. Ф. 2555. Оп. 1. Д. 826 (анкета). Л. 1, 3 об.; ОР ГПБ. Ф. 1001. Оп. 1. Д. 33. Л. 5. Жена сына Сергея также была смыланного происхождения: дочь обрусевшего француза и петербургской немки (там же. Д. 31. Л. 4).

¹⁵⁴ ЦГАОРСС г. Ленинграда. Ф. 2555. Оп. 1. Д. 826. Л. 4.

¹⁵⁵ ОР ГПБ. Ф. 1001. Оп. 1. Д. 33. Л. 36. М. К. Соколовский (1867—1941) — отставной коллежский советник, секретарь разряда полковых и корабельных историй ИРВИО. Участвовал в издании «Столетия Военного министерства. 1802—1902». Напечатал очерк «Характер и значение Алтекарского приказа» (СПб., 1904), несколько полковых историй и памяток, работы по полковой генеалогии, речи в «Вестнике имп. Общества ревнителей истории», военные рассказы для подростков и др.

¹⁵⁶ ЦГАЛИ СССР. Ф. 442. (М. К. Соколовский). Оп. 1. Д. 15. Л. 50.

¹⁵⁷ Соколовский М., Гулевич С. Полковая историография в ее постепенном развитии // Военно-исторический сборник. 1912. № 2. С. 34. Статья написана Соколовским по фактическому материалу С. А. Гулевича (там же. С. 15—16).

¹⁵⁸ Журнал ИРВИО. 1912. № 8/9. С. 208—209.

¹⁵⁹ Полковой историк. «Ремешковские истории» // Русский инвалид. 1914. 9 февраля. № 34. С. 6. Из статьи видно, что псевдоним «Полковой историк» принадлежал Соколовскому.

¹⁶⁰ ЦГАЛИ СССР. Ф. 442. Оп. 1. Д. 15. Л. 52 об.

¹⁶¹ Из истории архивного дела в России: Воспоминания М. К. Соколовского «Архивисты»: Публ. А. Д. Зайцева // Встречи с прошлым. М., 1984. Вып. 5. С. 386.

¹⁶² ЦГАОР СССР. Ф. Р-7789. Оп. 1. Д. 1. Л. 238; Д. 25. Л. 3.

¹⁶³ Еще в 1915 г. он, будучи заместителем председателя Общества ревнителей истории,

выдвинул небезытересную идею образования Союза исторических обществ «как высшей формы их организации» и разослал проект устава, надеясь на всероссийское признание (Соколовский М. К. Мелкие речи // Вестник имп. Общества ревнителей истории. Пг., 1916. Вып. 3. С. 148—151). Не получив поддержки, он приступил к созданию при ОРИ Музея Великой войны, но занимался этим любительски (ЦГВИА СССР. Ф. 2048 Штаб Западного фронта. Оп. 1. Д. 850 Л. 10). Это не тот музей, который предполагалось создать на базе трофейной комиссии. В феврале 1918 г. Соколовский выступил в газете «Рабочая и крестьянская Красная Армия и Флот» с поверхностной критикой состояния архивов до революции, предлагал создать центр хранения делопроизводственных документов 1917 г. в Москве, а материалы личного происхождения собирать в Петроградском народном музее Великой войны и революции (заметка перепечатана: Архив Революции: страничка из истории советского архивного строительства. Подг. Н. Д. Егоров, В. С. Кузьмин // Советские архивы. 1988. № 3. С. 53). Архивные деятели этого выступления не заметили. К работе архивных учреждений Соколовский не привлекался. В конце 1918 г. он состоял, как отмечалось, в должности заведующего библиотечной секцией облвоенкомата, сумев, как бы в отместку, занять историческое помещение эвакуированного в Москву Военного архива (ЦГВИА СССР. Ф. 796. Оп. 1. Д. 13. Л. 201, 204).

¹⁶⁴ ЦГАЛИ СССР. Ф. 442. Оп. 1. Д. 15. Л. 53—54 об.

¹⁶⁵ Непосредственно в этом нуждались военные архивы. Именно они под давлением острой необходимости упорядочили массу документов во второй половине 30-х гг. прошли заново путь научных построений, в основе которых лежал метод полкового родословия (хотя так его не называли). Тогда же в этих архивах возник термин «фондирование» (Соколов М. Центральный архив Красной Армии за 20 лет // Архивное дело. 1938. № 8 (47); Он же. Из опыта фондиро-

вания архивных материалов // Там же. 1939. № 4 (52); Назин И., Назарова А. Фондирование материалов в ЦВИА // Там же. 1939. № 1 (49).

¹⁶⁶ Протоколы 1-го съезда архивных деятелей РСФСР, 14—19 марта 1925 г. М., Л., 1926. С. 248—280.

¹⁶⁷ Бельчиков Н. Приемы изучения частных фондов // Архивное дело. 1928. Вып. 1 (14). В статье выделялись три категории лиц, имеющих отношение к таким фондам: фондобразователи, фондособиратели и фондодержатели.

¹⁶⁸ Бельчиков Н. Теория археографии. М., Л., 1929. Анализ этой работы см.: Автократов В. Н. Из истории советского архивоведения конца 1920-х годов: «Теория археографии» Н. Ф. Бельчикова // Советские архивы. 1982. № 2.

¹⁶⁹ Правила определения архивного фонда // Архивное дело. 1939. № 3 (51); То же // Сборник руководящих материалов по архивному делу. М., 1961. С. 163—166; Полянская Л. «Правила определения архивного фонда» и их применение в центральных государственных архивах // Архивное дело. 1940. № 4 (56).

¹⁷⁰ Вилинбахов Г. В. Знамена как исторический источник и их место в системе геральдических памятников // Геральдика: Материалы и исследования: Сб. научных трудов. Л., 1983; Дуров В. А. Знаки отличия XVIII—XX вв. как исторический источник // Проблемы источниковедения истории СССР и специальных исторических дисциплин: Статьи и материалы. М., 1984; Бурков В. Г. Фалеристика: Учеб. пособие. Л., 1985; Румянцева В. В. Геральдика // Историография и теория. Киев, 1988. «Бурный скачок в развитии униформологии произошел в 60—70-е годы, когда она перестала быть чисто описательной и поднялась на более высокий научно-исследовательский уровень», — отмечается в работе: Васильев А., Космолинский П., Передерий В. Русский военный мушкетер: что скрывается за деталью // Советский музей. 1985. № 4 (84). С. 63.

Развитие и совершенствование НСА в ЦГА РСФСР

В ЦГА РСФСР уделяется постоянное внимание вопросу создания и совершенствования НСА. Это диктуется самой практикой работы архива. Увеличение числа тематических и биографических запросов, возрастающий интерес исследователей к документам архива, публикаторская работа — вся научно-информационная деятельность архива требует глубокого знания состава и содержания хранящихся документов, четкого и оперативного извлечения необходимой информации.

Вопросы состояния НСА и перспективы его развития постоянно рассматриваются на заседа-

ниях дирекции, методической комиссии, научных советов, конференциях ЦГА РСФСР.

Разработанная система НСА архива и принципы, заложенные в ее основу — взаимодополняемость и взаимосвязь отдельных элементов — действенные и выдержали испытание временем.

Постоянный анализ функционирования имеющихся справочников позволил прийти к выводу, что дальнейшее развитие системы НСА должно идти, главным образом, по пути совершенствования отдельных его элементов, повышения их качества, взаимосвязи, максимально исключая дублирование одних и тех же сведений.